

С. К. Бушмакин, *Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск—Москва 1971.*

18 февраля 1972 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета научный сотрудник отдела географических названий Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии при Совете Министров СССР С. К. Бушмакин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка». Официальными оппонентами выступили академик П. Аристэ и кандидат филологических наук Т. И. Тепляшина.

Диссертация С. К. Бушмакина представляет собой монографическое описание одной из групп говоров северо-восточной части Удмуртской АССР. Выбор диссертантом темы обусловлен тем, что, во-первых, эти говоры специально никем еще не изучались, во-вторых, автору как носителю якшур-бодьинского говора, заинтересовавшемуся диалектологией, логично было начать с описания родного диалекта.

Отдельные моменты, свойственные говору с. Якшур-Бодья, в конце XIX в. были зафиксированы финским исследователем Т. Г. Аминоффом¹, который пробыл в селе недолго, а потому не имел возможности дать полное описание говора. С тех пор прошло почти 100 лет. Более тщательное изучение рассматриваемых говоров стало крайне необходимым; важно было выяснить ареалы этих говоров, до сих пор не установленные. Материалы Т. Г. Аминоффа послужили для диссертанта подспорьем — способствовали объяснению некоторых исторических изменений.

Большая по объему работа С. К. Бушмакина (394 страницы основного текста и 350 страниц приложения) посвящена описанию фонетической и морфологической структуры удмуртских говоров се-

веро-востока Удмуртской АССР, которые получили свое название по территориальному расположению.

В работе приведены четыре схематические карты и сравнительная таблица освоения средневосточной территории, составленная по сведениям первых переписей населения Вятской земли (с 1615 по 1890 г.). В текст включены снимки рентгенограмм и кинокадров почти каждого звука, схемы палатограмм и рентгенограмм, а также кинограммы. Диссертация снабжена 134 рисунками.

Во введении (40 страниц) довольно подробно рассматривается история заселения территории Якшур-Бодьинского и Шарканского районов Удмуртии. Автор пришел к заключению, что территория средневосточных говоров в основном заселена во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Здесь же прослеживается изучение удмуртских диалектов лингвистами за последние десятилетия, определяются точные границы распространения изучаемых автором говоров. По данным переписи населения 1959 г., как отмечает диссертант, средневосточные говоры распространены в 142 населенных пунктах с численностью населения около 35 тысяч. С. К. Бушмакин установил, что на определенной территории расположены несколько отличающиеся друг от друга говоры. Он выделяет среди них якшур-бодьинский и шарканский; кроме того, автор находит необходимым особо выделить говоры окрестностей селений Сосновка и Вишур.

На основе проведенных диссертантом экспериментов в первой главе (стр. 41—197) описаны фонемы и характерные фонетические явления. В работе учтены также данные других ученых по экспериментальному исследованию удмуртских звуков, выявлены недостатки предыдущих работ. С. К. Бушмакин представил дополнительные сведения об удмуртских звуках, которые в дальнейшем могут быть применены при изучении фонетического строя удмуртского языка.

¹ T. G. Aminoff, *Votjakilaisia kielenäyteitä*. — JSFOu I 1886, стр. 32—55.

Анализ системы гласных сделан в следующем порядке: гласные переднего ряда (*i, e*), среднего ряда (*i, e*), заднего ряда (*u, o, a*). При детальном рассмотрении фонем и их употребляемости автор в каждом случае отмечает отклонения от литературных норм, если таковые имеются. В связи с описанием фонем С. К. Бушмакин дает дистрибутивное распределение каждого звука в составе слова. В конце этого раздела приведена таблица классификации гласных.

Как основные черты вокализма рассматриваемых говоров диссертант отмечает функциональные отличия некоторых гласных от литературного языка, обусловленные в основном соседством других гласных и согласных. Так, в средне-восточных говорах *e* и *u* под ассимилятивным влиянием гласных соседних слогов в отличие от литературного языка могут употребляться в любом слоговом положении и в частности в суффиксальных слогах, например: *me.em* < *meni:m* 'мне', *te.ed* < *teni:d* 'тебе'; *uksu.en* < *uksöjen* 'деньгами', *ug lu,u* < *ug lui* 'нельзя, невозможно' и т. д. В силу прогрессивной ассимиляции средне-восточный гласный *o* суффиксов подвергается полному уподоблению, ср.: *korka.as* < *korka.os*, лит. *коркаос* 'дома, избы', *bakča.aš* < *bakča.oš*, лит. *бакчаозь* 'до огорода' и т. п. В вишурском говоре отмечена регрессивная ассимиляция: *korko.os* < *korka.os*, *bakč.o.oš* < *bakča.oš* (стр. 150).

Под влиянием палатальных согласных *l š ž č* якушур-бодьинский гласный *i* переходит в узкий *i*: *vil* < *vil*, лит. *выль* 'новый'; *bertiš* < *bertiš*, лит. *бертүсь* 'возвращающийся'; *toliž* < *toliž*, лит. *толэзь* 'луна, месяц' и т. д. (см. стр. 162—165).

Специфическим для описываемых говоров является сужение переднеязычных гласных под влиянием *j*, который впоследствии и исчезает: *busi.in* < *busijin* 'на поле, в поле', *busi.am* < *busijam* 'на моем поле' и др., т. е. в силу закона дейотации на стыке основы и аффикса в словах на гласную основу появилась определенная закономерность сочетания гласных; в непервых слогах стали упо-

требляться и те гласные, которые не употребляются в других удмуртских диалектах и в литературном языке (см. стр. 150—165).

Как и в литературном языке, в средне-восточных говорах употребляются 30 согласных фонем: *b, p, v, g, k, d, d', t, t', j, z, ž, ž', ž', l, l', m, n, n', r, s, š, š', č, č', c, šč (ц), ç, f*.

По данным рентгенографического, палатографического и кинографического исследований в диссертации приводится подробное описание согласных. Характеристика каждого отдельного звука дана сравнительно полно, хотя в определении тех или иных звуков по сравнению с материалами предшественников автор изменений не внес. Однако сам факт дополнительных экспериментов весьма полезен, они еще раз подтверждают правильность данной ранее характеристики.

Из фонетических явлений консонантизма интерес представляют следующие. Всем средне-восточным говорами, как и другим промежуточным между северным и южным наречиями говорами, присуще сохранение древнепермских аффрикат *š, ž, č* середины и конца слова: *viž'i*, ср. коми *виž*, другие удм. диал. *viž'i*, лит. *выжсы* 'корень', *kužim*, ср. коми *kožin*, другие удм. диал. *kužim*, лит. *кузьым* 'подарок', *čoč*, ср. коми *čeč*, другие удм. диал. *čoč*, лит. *чош* 'вместе' и т. п. Этому вопросу посвящен четвертый раздел первой главы (стр. 166—177). Данные говоров диссертант сопоставляет с литературным языком. Существенным отличием консонантизма средне-восточных говоров от говоров, расположенных севернее, является ослабленное произношение согласного *l* середины и конца слова, доходящее до полного исчезновения звука. В работе С. К. Бушмакина рассмотрению этого явления отведено сравнительно большое место. Согласный *l* во всех пермских языках имеет слабую артикуляцию. Это известно по сведениям многих современных коми и удмуртских говоров. В ряде позиций, особенно в интервокальном положении, в средне-восточных говорах он вообще выпадает, ср.: *ašmelen* > *ašme.en* 'у нас самих', *Annalen* > *Anna.en* 'у Анны'

и т. д. В результате выпадения этого звука в данных говорах произошел целый ряд других изменений в пределах словоформы. Это хорошо прослеживается в парадигме склонения. Данный процесс у автора диссертации описан в разделе «Вокализм» (стр. 190—195). В средневосточных говорах имеют место также различного рода другие ассимиляционные процессы.²

Пятый раздел первой главы (стр. 178—197) знакомит нас с выпадением и вставками звуков, усеченными и стяженными формами слов. Систематическому выпадению в этих говорах подвергается гласный *i* в инфинитиве: *mīnni* > *mīnīni*, лит. *мыныны* 'идти', *šunī* < *šūnīni*, лит. *шуыны* 'сказать' и т. п. Гласные *i* и *e* середины слова обычно выпадают в положении между согласными, одни из которых являются сонорными *m, n*, плавным *l*, дрожащим *r*, взрывными *d, t, k* или щелевыми *š, ž, s*, притом, если к ним присоединяется аффикс, начинающийся с гласного звука, например: *šulmaškīnī* < *šulemaškīnī (ср. *šulem* 'сердце'), лит. *сюлмаськыны* 'заботиться', *kuzīmo* < *kuzīmo (ср. *kuzīm* 'сила'), лит. *кужмо* 'сильно, сильный' и др. По наблюдениям диссертанта, процесс выпадения гласных в средневосточных говорах имеет тенденцию к дальнейшему развитию. Для описываемых говоров, как и других переходных говоров удмуртского языка, характерно выпадение отдельных слогов в слове, а также упрощение — стяжение суффикса *-išk* возвратных глаголов и глаголов настоящего времени изъявительного наклонения в *-k*, ср.: средневост. *kutkīnī*, чеп. *kutskīnī*, южн., юго-зап. *kutiškīnī* 'взяться, приняться за что-либо'. Как пишет диссертант, в определенных условиях из самостоятельных лексических единиц стяженные формы слов могут превращаться в словообразовательные и словоизменяющие суффиксы (см. стр. 197).

Во второй главе (стр. 198—349) рассматривается морфология средневосточных говоров. Основные моменты ее опубликованы в специальной статье.³ Свообразие представляет оформление личных

и лично-определяющих местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа суффиксом *-diz*, представляющим собой сращение двух суффиксов: *-dī*, характерного для чепецкого, т. е. северного, наречия, и *-iz*, свойственного всем говорам южного и юго-западного наречий: *mīlem-diz* (< *mīlem + dī + iz*) 'нас', *tilediz* (< *tiled + dī + iz*) 'вас', *ašmediz* (< *ašme + dī + iz*) 'нас самих'. Словообразовательные суффиксы существительных *-ti* и *-ni* известны во многих удмуртских диалектах. Однако распространение их до сих пор в удмуртской диалектологии не уточнено. С. К. Бушмакин отмечает наличие *-ti* и *-ni* в средневосточных говорах, причем первый свойствен кишур-бодьинскому, вишурскому и западной части сосновского, второй — шарканскому и восточной части сосновского: як.-бод., виш. *užanti* (< *užan + ti* < *inti*), шарк., сосн. *užanni* (< *užan + ni*) 'место работы, рабочее место', як.-бод., виш. *kełanti* (< *kełan + ti*), шарк., сосн. *kełanni* (< *kełan + ni*) 'ночлег (букв.: место ночлега)' и т. д. Впервые диссертант вводит в научный оборот обнаруженные им суффиксы субъективной оценки *-oñka* (*-oñko*), *-eñka* (*-eñko*), усвоенные из русского языка (*musoñka* (*-ko*) 'миленький, любименький' от *muso* 'милый, любимый') и *-añ* (*-oñ*) (*mesañ* 'ягненок, ярочка' от *mes* 'самка', ср. *musoñ* 'милый, дорогой', по-видимому, из *muso* плюс *-oñ*: *muso-oñ* > *musoñ*).

В разделе, посвященном прилагательному (стр. 142 и далее), обращает на себя внимание употребление в говорах двойного суффикса сравнительной степени *-gezgem* (*-ges* и *-gem* в литературном языке синонимичны), например: *veķči* 'тонкий' — *veķčigezgem* 'гораздо тоньше, еще более тонкий', *šuš* 'некрасивый' — *šušgezgem* 'некрасивее, наиболее некрасивый, наиболее безобразный' и т. п. Впервые отмечено наличие в средневосточных говорах суффикса сравнительной степени *-žik* и сочетания с ним суффикса *-ges*:

² См. С. К. Бушмакин, Ассимиляция в средневосточных говорах удмуртского языка. — СФУ IV 1968, стр. 269—284.

³ С. К. Бушмакин, Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. — СФУ V 1969, стр. 59—69.

badžin 'большой, взрослый' — *badžingežžik* 'больше, более взрослый' — *badžingežžik* (букв.: более чем больше, более чем более взрослый) и т. п. В якушур-бодьинском говоре *-žik* может выполнять также функции усилительной частицы: *mon žik main-o pertem?* 'чем же я хуже его?' (стр. 246). Сочетания суффиксов *-gezgem* и *-gezžik* выражают усиленную сравнительную степень. Меньшая степень качества или признака в средневосточных говорах выражается с помощью слова-суффикса *-žožja*. В литературе по удмуртской диалектологии данный суффикс также не был отмечен. Он присоединяется к прилагательным, обозначаемым вкусовые качества, меры длины или ширины (но не вообще пространственные признаки): *kurit* 'горький' — *kuridžožja* 'менее чем горше, чуть горьковатый', *paškät* 'широкий' — *paškidžožja* 'менее чем шире; немного широковатый, чуть широковатый' и т. д. Иногда этот слово-суффикс может сочетаться с суффиксами сравнительной степени *-ges* или *-gem* и обозначать усиление меньшей степени качества, выраженной этими суффиксами: *vakčigežžožja* 'менее чем менее короткий', *kužidgemžožja* 'менее чем менее соленый' и др. (стр. 247—248). В отношении числительных для данных говоров характерно отсутствие морфологического показателя дробных числительных *-tos*, имеющегося в литературном языке.

У глагола наиболее интересна, по мнению рецензента, форма прошедшего времени, состоящая из формы future-бесличного глагола, снабженного во множественном числе личными показателями, и вспомогательного глагола *val*, *vilem*, *viliškem*: *mi minonomi val* ~ *mi minonomi vilem* 'мы должны были идти', *mi minonomi viliškemmi* 'мы должны были идти, оказывается' и т. д. Как и другим переходным говорам удмуртского языка, средневосточным свойственно морфологическое освоение русских заимствований путем присоединения к полной форме рус-

ского инфинитива суффикса понудительного залога *-i*: рус. *izučat* > удм. *izučattini* 'изучать', рус. *gladit* > удм. *gladittini* 'гладить (белье)' и т. д. Автор отмечает и ряд других морфологических черт, присущих средневосточным говорам. Богато представлен фактический материал по служебным (союзам, частицам, междометиям), звукоподражательным и изобразительным словам.

Второй том диссертации содержит разделы: 1) Словарь диалектной и специфической в фонетическом отношении лексики (стр. 1—229), 2) Принципы выделения территории средневосточных говоров и языковые особенности, по которым определяются эти говоры (стр. 258—264), 3) Краткие сведения об удмуртских населенных пунктах Якушур-Бодьинского и Шарканского районов Удмуртской АССР, расположенных на территории средневосточных говоров (стр. 265—301), 4) Рабочие схемы рентгенограмм (в натуральную величину оригинала, стр. 302—332), 5) Палатограммы (в натуральную величину, стр. 339—350).

Как и следовало ожидать, основное внимание автор сосредотачивает на разборе словарного состава изучаемых им говоров. Правда, недостаточная изученность лексики удмуртских диалектов затрудняет установление распространенности того или иного слова. Так, в качестве своеобразной лексики исследуемых говоров С. К. Бушмакин указывает лишь на два якобы существующих корневых слова из общеудмуртского словарного состава: *bidmini* 'решиться, осмелиться' и *jurgini* 'галдеть, петь (без слов и определенной мелодии)'. На самом деле *bidmini* и *jurgini* известны многим удмуртским диалектам: *bidmini* в значении '(вы)расти, произрастать, уродиться' широко употребляется в нижнечепецких говорах и в кукморском диалекте, *jurgini* 'звенеть, звучать, греметь' — в итинском. На данном уровне изучения удмуртских диалектов нельзя и требовать от автора конкретного выделения специфической для средневосточных говоров лексики, поскольку словарный состав других, даже соседних, не выявлен. Понятно, что известный автору лексический со-

став рассматриваемых говоров сопоставить было не с чем — материалы отсутствуют. В пределах изучаемых говоров С. К. Бушмакин добросовестно ведет поиски по выявлению семантики слов. Так, он обнаруживает, что для передачи понятия 'гроздь (калины, черемухи, рябины)' имеются слова: *žuski* (як.-бод.), *per* (Кенервай, Кечгурт, В. Казес, Дэмен), *peri* (шарк.) и т. д. Автору удалось выявить использование данными говорами отдельных вариантов словоформ, образовавшихся (в результате действия прогрессивной ассимиляции) с разным лексическим значением, например: *pinaljos* 'молодежь' — *pinaltos* 'дети'; *kudgozi* 'мочальная круглая веревка к мужским лаптям' — *kutkozi* 'широкая плоская веревка в виде тесьмы, сплетенная или сотканная из разноцветных шерстяных ниток, которая используется в качестве веревки к женским удмуртским лаптям' и т. п.

Для средневосточных говоров, как и других удмуртских говоров средней и северной полосы Удмуртии, характерно широкое употребление заимствований из русского языка. Данный пласт лексики нашел довольно полное отражение в приложении. В дальнейшем этот материал может быть использован при изучении русских заимствований в удмуртском языке.

В разделе «Краткие сведения об удмуртских населенных пунктах...» С. К. Бушмакин подробно описывает географическое расположение почти всех 142 исследуемых им основных населенных пунктов, объясняет происхождение их, отмечает время их фиксации в письменных документах, анализирует названия известных ему пунктов, отмечает официальное и местное (диалектное) названия, по данным переписи 1959 г., приводит численность населения каждого из них.

Лингвистические, исторические, этнографические данные позволили диссертанту сделать вывод о том, что средневосточные говоры относятся к переходным; они образовались в результате консолидации северных и южных диалектных групп.

Труд С. К. Бушмакина вносит определенный вклад в науку. В нем представ-

лен огромный фактический материал, собранный в полевых условиях самим автором. Многие факты зафиксированы С. К. Бушмакиным впервые. В его исследовании определено место названных говоров в системе удмуртских диалектов, а также четкие границы их распространения. В определении диалектной принадлежности населенных пунктов северо-восточной и средней части восточной Удмуртии теперь не осталось неохваченной территории. Мы уже знаем, что на крайнем севере Удмуртии расположены верхнечепецкие говоры, южнее их — итинские, затем описанные С. К. Бушмакиным средневосточные, еще южнее — верхнеижско-нылгинские, характеристика которых также скоро появится в печати. Работа С. К. Бушмакина представит интерес не только для удмуртской диалектологии, но и для истории удмуртского и пермских языков вообще.

У рецензента, однако, есть некоторые замечания и сомнения.

1. В главе «Фонетика» проведена нечеткая классификация согласных звуков: в одном случае диссертант придерживается ориентации на участие активных органов речи (язык), в другом — пассивных (зубы, десна, небо и т. д.). В один ряд автор ставит место образования и способ образования звуков. Отсюда, в тексте он вначале анализирует переднеязычные согласные, затем, совершенно неожиданно для читателя, переходит к рассмотрению аффрикат.

2. При рассмотрении аффрикат следовало бы сопоставить примеры с коми словами, являющимися общими. Это сопоставление показало бы первичность аффрикат и сохранение их в средневосточных говорах.

3. Средневосточный своеобразный *l* имеет соответствия как в диалектах южного и юго-западного наречий, так и в диалектах других пермских языков. Он обладает общей тенденцией к выпадению. Весьма целесообразно рассмотреть его в динамике. В диссертации этого не сделано.

4. В главе «Морфология» диссертант информирует о многих новых, ранее не отмеченных явлениях, но, к сожалению, собственных суждений очень немного. К тому же некоторые из них довольно натянуты и порой неверны. Так, по мнению

рецензента, сомнительно наличие 11 форм времени, ошибочно утверждение, что в средневосточных говорах широко распространено употребление спаренных глаголов. В удмуртских юго-западных и части южных диалектов они действительно широко употребительны, но, нужно отметить, что эти спаренные глаголы имеют совершенно иной характер. Анализ ряда спаренных глаголов в удмуртском языке В. К. Кельмаков посвятил специальный большой раздел своей диссертации⁴ и прекрасно разработал вопрос о них, причем убедительно доказал появление спаренных глаголов и дальнейшее развитие их в группе юго-западных и южных говоров под влиянием соседствующих с ними тюркских языков.

5. При определении ареалов средневосточных говоров следовало руководствоваться существующей литературой по удмуртской диалектологии, хотя бы сослаться на классификацию Т. К. Борисова и С. П. Жуйкова. Те принципы, кстати сказать, по которым, как полагает диссертант, он впервые проводит границы исследуемых им говоров, в основном были уже известны. С. П. Жуйков, например, выделяя изоглоссы рассматриваемых средневосточных говоров, указывал на некоторые характерные их черты⁵ и отмеченные им факты подтвердились материалами диссертанта.

6. Объем работы С. К. Бушмакина для кандидатской диссертации достаточно велик. Однако было бы целесообразно опустить ряд разделов. Так, по мнению рецензента, во введении не следовало подробно останавливаться на показе путей миграции отдельных родовых ячеек удмуртов. Этому вопросу диссертант посвятил специальную работу; здесь достаточно было кратко обобщить сказанное в статье и сослаться на публикацию. Излишне также подробное описание фоне-

тических и грамматических явлений, которые не составляют своеобразия изучаемых говоров. Специальный раздел выделен автором для описания глаголов так наз. притворного действия, хотя сам диссертант пишет, что отмеченная в грамматике современного удмуртского языка⁶ категория притворного действия средневосточным говорам не свойственна.

Иногда автор сопоставляет своеобразные факты говоров с данными других удмуртских диалектов. Представляется, что простые сопоставления конкретно ничего не дают. Дело другое, когда они приводятся для того, чтобы показать развитие какого-либо явления в исследуемом говоре.

7. В диссертации имеется ряд погрешностей технического характера: нет единообразия в оформлении сносок, в прилагаемом словаре иногда ссылки на населенный пункт взяты в скобки, при гласных среднего и заднего ряда конкретно указываются и фонемы, после гласных переднего ряда такого указания нет (см. стр. 60) и т. д.

8. Не всегда автор последователен в употреблении терминов. В тексте используется, например, термин «щелевые», а в таблице — «фрикативные». По-видимому, где-то следовало указать, что эти названия выражают одно и то же понятие.

Удмуртские диалекты изучены недостаточно. Не проведена и классификация их до настоящего времени. Тем не менее, отдельные названия диалектных разновидностей удмуртского языка постепенно входят в употребление. Что касается говоров средней полосы Удмуртии, их именуют то средними, то серединными, то срединными, то промежуточными. Не придерживается единой терминологии по отношению к ним и диссертант. Думается, для названия этой группы говоров более приемлем термин «срединные».

Отмеченные здесь недостатки не умаляют достоинств диссертации, которая вносит ценный вклад в науку.

⁶ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

⁴ В. К. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка (канд. дисс., рукопись), Москва 1969, стр. 361—381; см. также рецензию на эту диссертацию: Т. И. Тепляшина, СФУ VII 1971, стр. 152—157.

⁵ С. П. Жуйков, Диалектологическая карта удмуртского языка, Свердловск 1935.